АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

№ 4 АПРЕЛЬ 1989

Вопросы Истории

Государств. Публичная историческая библиотека РСФСР

101984

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1926 года.
Москва. Издательство „Правда"

Главный редактор
А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:
В. П. АЛЕКСЕЕВ
Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ,
П. В. ВОЛОБУЕВ,
А. С. ГРОССМАН,
В. П. ДАНИЛОВ,
А. П. ДЕРЕВЯНКО,
В. А. ДЬЯКОВ,
М. С. КАПИЦА,
И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО,
А. И. КРУШАНОВ,
В. И. КУЗИЩИН,
В. А. КУМАНЕВ,
Б. В. ЛЕВШИН,
А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ,
О. А. РЖЕШЕВСКИЙ,
К. И. СЕДОВ,
И. В. СОЗИН
(заместитель главного редактора),
С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
А. Я. ШЕВЕЛЕНКО,
В. В. ШЕЛОХАЕВ,
В. А. ШИШКИН,
В. Л. ЯНИН.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

СТАТИСТИКА ЖЕРТВ СТАЛИНИЗМА В 30-е ГОДЫ

В. В. Цаплин

Писатели и публицисты раньше историков и архивистов занялись выявлением количества жертв репрессий и других преступлений сталинского режима. В отличие от историков, они имеют право на ошибку. А. Рыбаков в романе «Тридцать пятый и другие годы» устами Михаила Юрьевича говорит: «Я опытный статистик, Варя, и я вам скажу: перепись 1937 года не даст 170 миллионов. По моим расчетам, максимальная цифра составит 164 миллиона. Значит, прямые и косвенные потери составят 13 миллионов человек минимум — это умершие от голода, погибшие в ходе раскулачивания и потери от снижения рождаемости» [1].

В. Чистякова в статье «Архивный юноша» сообщает, что от голода и болезней в 1933 г. погибло не менее 5 млн. человек, что в 1936—1950-х годах в лагерях находилось 8—12 млн. человек. В среднем смертность в лагерях достигала 10%, за 14 лет умерло примерно 12 млн. человек. К ним она добавляет 1 млн. расстрелянных кулаков, жертвы голода и коллективизации, послевоенных репрессий и приходит к выводу, что в результате в 30—40-х годах погибло не менее 20 млн. человек [2].

«Московские новости» 29 марта 1987 г. (№ 13) в «Письме 10-ти» сообщили, что коллективизация сельского хозяйства означала «уничтожение десяти миллионов крестьян». Более скромные показатели приводит Н. Тепцов, который считает, что в процессе раскулачивания репрессиям подверглось около 8 млн. человек [3].

Эти публикации часто основаны на воспоминаниях, сомнительных источниках и даже вымыслах. Но они возбуждают общественность, создают не всегда объективную картину. К сожалению, историки предпочитают отмалчиваться. Лишь иногда в газетах появляются сообщения наших ученых об отдельных страшных проявлениях сталинского режима. Одной из содержательных в этом отношении является статья Ж. Абылхожина и М. Татимова о коллективизации в Казахстане [4].

Молчание историков вполне объяснимо. Документы, необходимые для освещения трагических событий 30—40-х годов, все еще закрыты для исследования. В силу своего служебного положения я имел возможность познакомиться с такими документами Центрального управления народнохозяйственного учета (ЦУНХУ СССР) и Госплана СССР. Их анализ приводит к ряду количественных показателей демографического характе-

---

ЦАПЛИН Всеволод Васильевич – директор Центрального государственного архива народного хозяйства СССР.

[1] Дружба народов, 1988, № 9, с. 92—93.
[2] Нева, 1988, № 10, с. 154, 158.
[3] Тепцов Н. Великий перелом.— Ветеран, 1988, № 50, с. 8.
[4] Абылхожин Ж., Татимов М. Коллективизация в Казахстане.— Ленинская смена, 19.X.1988.

ра и ставит некоторые вопросы, изучение которых позволило бы сказать правду о жертвах сталинизма в 30-е годы.

Как известно, в начале января 1937 г. в СССР проводилась всеобщая перепись населения. Ее показатели были объявлены недействительными; вскоре о них постарались забыть. В январе 1939 г. перепись повторили. Ее результаты были признаны каноническими. Но вернемся к переписи 1937 года. Ее основные показатели сохранились и заслуживают пристального внимания.

В середине марта 1937 г. в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и в СНК СССР В. М. Молотову было подготовлено письмо ЦУНХУ СССР «О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения»[5]. Начальник ЦУНХУ СССР И. А. Краваль сообщал, что «перепись проведена в точном соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) и СНК СССР», что она охватила все население, части и учреждения Красной Армии, НКВД СССР, команды и пассажиров пароходов, находившихся в плавании, что численность некоторых ведомств установлена в особом порядке. По мнению ЦУНХУ СССР, «возможный недоучет населения переписью составляет доли процента»[6].

Руководству страны сообщалось, что «общая численность населения по переписи 6.01.1937 г. составила 162 003 225 человек, включая контингенты РККА и НКВД. По сравнению с 1926 годом (перепись 17.XII) численность населения увеличилась т. о. на 15 млн. человек, или на 10,2%, или в среднем на 1% в год»[7]. При этом отмечалось, что в 1935 и 1936 гг. прирост населения по сравнению со средним показателем за 10 лет составил 1,4—1,5%.

Письмо в ЦК ВКП(б) и СНК СССР было напечатано в четырех экземплярах 14 марта 1937 года. Направлялось ли оно по назначению, сказать трудно, так как его первый экземпляр без подписи и незаверенный остался в ЦУНХУ СССР.

Можно ли перепроверить общий итог переписи 1937 года?

Без военнослужащих перепись населения в 1926 г. зафиксировала 146,4 млн. человек. В 1937 г. этот показатель дал 156,9 млн. человек[8]. В это время военнослужащих числилось около 2 млн. человек[9]. Итого 158,9 млн. человек. Но ведь перепись дала 162 миллиона. За счет чего получается разница? Предполагаемый, но наиболее вероятный ответ: за счет лиц, находившихся в местах заключения. В конце января 1937 г. по специальным контингентам НКВД числилось 2 653 036 человек. Эти данные были сообщены для включения их в перепись населения[10]. С учетом их получаем показатель в 161,5 млн. человек (158,9 млн. плюс 2,6 млн.), что почти совпадает с официальным итогом переписи 1937 г. (162 млн. человек).

В тот же день, когда было подготовлено письмо об итогах переписи (14 марта 1937 г.), заместитель начальника отдела населения и здравоохранения Курман направил на имя Краваля «Докладную записку о естественном движении населения в период между двумя переписями — 17/XII 1926 г. и 6/I 1937 г.»[11]. Эта записка была, по-видимому, самым тесным образом связана с проверкой результатов переписи, которая проводилась специальной группой, «организованной т. Яковлевым»[12].

---

[5] В ЦГАНХ СССР сохранились два экземпляра этого письма (ф. 1562, оп. 329, д. 142, л. 4 сл.; д. 151, л. 148 сл.).

[6] Там же, д. 142, лл. 4, 7.

[7] Там же, л. 8.

[8] Там же, ф. 4372, оп. 92, д. 161, л. 31а.

[9] Там же, ф. 1562, оп. 329, д. 142, л. 31 (имеются в виду РККА и лагерная охрана).

[10] Там же, л. 54.

[11] Там же, д. 132, лл. 25—27.

[12] Там же, д. 142, л. 7. Возможно, здесь имеется в виду Я. А. Яковлев — тогда руководящий работник Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (там же, ф. 1562, оп. 329, д. 132, л. 48).

По сравнению с показателями переписи 1926 г. население СССР к 1937 г. увеличилось с 147 млн. до 162 млн. человек, т. е. возросло на 15 миллионов. В то же время по данным регистрации рождений и смертей в загсах, естественный прирост населения ожидался в 21,3 млн. человек, то есть на 6,3 млн. больше. Автор докладной записки не отвергает определенного влияния на отмеченную разницу между фактической и ожидаемой численностью населения качества повседневной (в обычных условиях) работы загсов по регистрации рождений и смертей. Он, безусловно, знал, что незадолго до переписи постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О постановке учета естественного движения населения» от 21 сентября 1935 г. работа загсов была признана неудовлетворительной [13]. Но Курман не склонен считать, что именно недостатки регистрации рождений и смертей определяют установленный переписью разрыв между ожидаемым и фактическим наличием населения.

Автор записки останавливается на следующих его причинах. На первое место им поставлен уход в 1930—1933 гг. части населения Казахстана и соседних республик за пределы СССР. «Так по сообщениям Каз.УНХУ... число ушедших за пределы СССР (с вычетом возвратившихся) составляет за 1930—1932 гг. 1,3 млн. человек. Процессы ухода из Казахстана за пределы СССР имели место и в 1933 году, и так как подобные явления были и на других территориях (Туркменская ССР, Таджикская ССР), то безусловно число ушедших за пределы СССР должно быть увеличено. С учетом возвратившихся все же можно полагать, что сальдо составит примерно около 2-х млн. человек, ушедших за этот период за пределы СССР» [14]. Основной причиной ухода, считают Ж. Абылхожин и М. Татимов (в вышеуказанной статье), был голод, вызванный насильственными и непосильными для населения скотозаготовками.

Вторую причину разрыва между ожидаемым и действительным количеством населения автор записки объясняет особенностями переписи 1926 г., которая в городах продолжалась до 7 дней, а в сельских местностях 15—20. Это, по его мнению, неминуемо должно было привести к двойному учету части населения. Принимая во внимание размеры территории СССР, большую подвижность населения, продолжительность переписи, «можно полагать, что перепись 1926 года дала переучет около 1%, т. е. 1,5 млн. человек». В то же время проверка якобы показала, что перепись 1937 г. дала некоторый недоучет населения. «При различных оценках степени недоучета можно полагать, что в среднем по СССР перепись 1937 года недоучла 0,5—0,6% населения, что составляет 1 млн. человек» [15].

Итак, мы имеем переучет населения в 1926 г. в 1,5 млн. человек и его недоучет в 1937 г. в 1 млн. человек. Как это повлияло на общий показатель разрыва между ожидаемым (по естественному приросту) и полученным по переписи количеством населения, сказать трудно. Что касается Курмана, то после размышлений о переучете и недоучете населения, после сообщения об уходе за пределы СССР 2 млн. жителей Казахстана и Средней Азии он приходит к выводу, что «остальные 3,5 млн. человек, по-видимому, приходятся за счет недоучета смертей за истекшее десятилетие». Далее Курман пишет: «Ряд специальных обследований с выездом на места показали, что на Украине, Азово-Черноморском крае, Саратовском и Сталинградском крае, Курской и Воронежской областях имело место значительное количество смертей, не записанных в книгах загс. На основе имеющихся материалов можно считать, что в 1933 г. недоучтено около 1 млн. случаев смерти. По данным отдела населения, число смертей в 1933 г. составило 5,7 млн. чел., а с прибавлением недоучета

---

[13] СЗ, 1935, № 53, ст. 432—433.
[14] ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 329, д. 132, лл. 26—26об.
[15] Там же, лл. 26об., 27.

около 6,7 млн. человек (15%). Такой процент недоучета для 1933 года возможен» [16].

Курман не объясняет причины этой возможности. А она очень проста: обширные районы страны охватил страшный голод. Многие загсы оказались не в состоянии выполнять функцию регистрации смертей, ибо смертность носила массовый характер. «Далее,— отмечает Курман,— можно думать, из недоучтенного количества смертей не менее 1—1,5 млн. приходится за счет смертей, регистрация которых не попадала в общегражданскую (спецпереселенцы, заключенные концлагерей и прочее). Эти данные должны быть, очевидно, в ГУЛАГе НКВД» [17].

Итак, 2 млн. человек покинули родину, 1 млн. незарегистрированных смертей от голода в 1933 г., до 1,5 млн. смертей в местах заключения. Итого 4,5 млн. человек. А ведь общая недостача равняется 6,3 млн. человек. Кто же эти недостающие 1,8 млн. человек? При желании их можно списать на переучет и недоучет переписей 1926 и 1937 гг., на недостатки работы загса. Но потерю не менее чем 1,3 млн. человек можно объяснить и дополнительной незарегистрированной смертью от голода и в местах заключения и только 0,5 млн. отнести за счет недостатков переписей (0,5 млн.— это разница между переучетом и недоучетом населения по переписям 1926 и 1937 гг.). Все это дает основание говорить, что не зарегистрированная в загсах смертность в 1927—1936 гг. составила примерно 3,8 млн. человек.

Попробуем ориентировочно определить общую смертность от голода.

Примерный расчет зарегистрированной смертности может опираться на ее статистику по данным загсов. В 1927—1931 гг. в среднем ежегодно умирало 2,6 млн. человек. Если бы не было голода и его последствий, то смертность в 1932—1933 гг. оставалась, возможно, на том же уровне. Но в 1932—1933 гг. ежегодно в среднем умирало 4 млн. человек. Это позволяет говорить, что в 1932—1933 гг. умерло от голода и его последствий с регистрацией в загсах не менее 2,8 млн. человек (по 1,4 млн. ежегодно) [18].

Масштабы голода, вызванного не стихийными природными бедствиями, а форсированием коллективизации и чрезвычайными мерами, не укладываются в сознании. Его размеры, отраженные в официальных источниках, поражают. Но в источниках нет такого слова «голод». Нет его и в докладной записке Курмана, нет его в «Конъюнктурном обзоре движения населения СССР за 1930—1934 гг.». В обзоре отмечается: «Исключительно высокая смертность в 1933 году неравномерно распределяется по СССР и была локализована преимущественно на Украине, Северном Кавказе, Нижней Волге, ЦЧО (по данным лишь УССР число умерших составило 2,9 млн. человек, т. е. больше половины всех умирающих по СССР, между тем как численность населения Украины составляет лишь пятую часть населения СССР)» [19].

Итак, опираясь на итоги переписи 1937 г., мы получаем возможность установить примерные потери, понесенные советским народом за 1927—1936 гг.: 2 млн. человек покинули пределы СССР, 3,8 млн. человек умерло от голода, 1,5 млн. человек погибло в местах заключения. Кроме того, 1,3 млн. человек также могут считаться погибшими от голода и в местах заключения. Общий итог — 8,6 млн. человек. В лагерях и тюрьмах погибали и уголовники. Но не они в те годы составляли основной контингент

---

[16] Там же, лл. 27—27об.

[17] Там же, л. 27об.

[18] Расчеты проведены на основании таблицы № 3 (ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 92, д. 161). Таблица датируется февралем 1939 года. Составлена она в Госплане СССР. К ее названию «Сведения о естественном движении населения в СССР» имеется рукописная приписка: «По архивным дефектным материалам ЦУНХУ» (л. 31б).

[19] ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 329, д. 131, л. 2.

заключенных, для которых создавались невыносимые условия, специально предназначенные для физического уничтожения людей.

Складывается впечатление, что в результате работы «группы Яковлева» перепись 1937 г. была объявлена недействительной. Надо было или опровергнуть массовую гибель людей, или скрыть ее. Началась подготовка новой всеобщей переписи. Еще раз были изучены архивные материалы, составлены соответствующие таблицы, оформление которых закончилось в феврале 1939 года [20]. За несколько дней до переписи, а именно 15 января 1939 г., П. Попов (до 1926 г. возглавлял Центральное статистическое управление СССР, а в 1939 г. работал в Госплане РСФСР) направил письмо на имя Сталина, а копию — Молотову, в котором предупреждал, что публиковавшиеся Госпланом и ЦУНХУ данные о численности населения СССР после 1926 г. не соответствуют действительности (завышены) и что, опираясь на эти опубликованные расчеты, предполагаемая численность населения должна к началу 1939 г. составить 183,7 млн. человек. В действительности же, по мнению Попова, перепись 1939 г. «определит численность населения в пределах 170—175 млн. чел.». Попов просил тщательно проверить все публикации Госплана и ЦУНХУ, так как они широко известны за границей [21].

Предложенная Поповым проверка, возможно, началась еще до его письма Сталину. В Госплане СССР, как уже отмечалось, 20 февраля был отпечатан ряд таблиц, в которых приводятся опубликованные и архивные данные о численности населения с 1926 до 1938 г., а также, что очень важно, сравнительные данные переписей 1937 и 1939 г. об общей численности населения и по некоторым другим показателям. Попов оказался прав. Опубликованные в печати данные значительно отличались от архивных.

В таблице № 1 «Численность населения по публикациям и архивным материалам» [22] приводятся ежегодные сравнительные показатели с января 1927 по январь 1934 года. Количество населения по публикациям значительно превышало его численность по архивным материалам. Разрыв этот ежегодно возрастал. На 1 января 1934 г. по публикациям население СССР исчислялось в 168 млн. человек, а по архивным материалам — 160,5 млн. человек (по переписи 1926 г.— 147 млн. человек). За последующие три года официальных публикаций, по-видимому, не было, и на 1 января 1938 г. опубликованные и архивные данные почти совпадают (соответственно 169 и 169,3 млн. человек). Общее количество населения СССР по публикациям из года в год увеличивалось, а по архивным материалам оно на 1 января 1934 г. оказалось почти на 1,6 млн. человек меньше, чем на 1 января 1933 года. Это вполне естественно, так как голод 1933 г. унес миллионы человеческих жизней.

В таблице № 2 «Естественный прирост населения» [23] также сравниваются опубликованные и архивные данные. И вновь выявляется их поразительное несовпадение. В печати приводились совсем другие, более высокие показатели, чем те, которые имелись в архивных документах. Это наиболее ярко отразилось на данных о естественном приросте населения за голодные 1932 и 1933 годы. По публикациям, в эти годы он соответственно составил 2,6 млн. и 2,3 млн. человек. По архивным же материалам, в 1932 г. естественный прирост исчислялся в количестве 1,6 млн. человек, а в 1933 г. смертность превысила рождаемость почти на 1,6 млн. человек. Наивысший непубликовавшийся уровень естественного прироста отмечается в 1937 г. (3,4 млн. человек). Это почти на 1 млн.

---

[20] Там же, ф. 4372, оп. 92, д. 161, таблицы №№ 1, 2, 3 и др., л. 31 и др.

[21] Там же, лл. 39—40. В деле копия письма П. Попова. Его оригинал (рукопись) был, согласно помете, уничтожен по акту (л. 42).

[22] Там же, л. 32.

[23] Там же.

больше, чем в 1936 г., что вполне возможно, так как в 1928 г. он также превысил отметку в 3 миллиона.

Обе таблицы позволяют предполагать, что в ЦУНХУ СССР, очевидно, преднамеренно велось два расчета естественного прироста населения: один для печати, а другой для служебного пользования. Обман наиболее очевиден на показателях прироста населения за 1933 г. и прогнозе его численности на 1 января 1934 года. Вряд ли можно объяснить разницу между опубликованными и архивными материалами лишь плохой работой загсов. Обе таблицы опровергают расчеты как ожидаемого (по естественному приросту) количества населения, связанные с переписью 1937 г., так и результат самой переписи (162 млн.). Разрыв между установленным переписью количеством населения (162 млн.) и ожидаемым его приростом по сравнению с 1926 г. сокращается с 21,3 млн. до 18,8 млн. человек, а требующая объяснения недостача уменьшается с 6,3 млн. до 3,9 млн. человек. Обоснований новых расчетов нет. Это позволяет усомниться в их объективности.

Некоторые документальные основания для такого сомнения имеются. Сохранился «Конъюнктурный обзор движения населения СССР за 1930—1934 годы» [24], составленный ЦУНХУ СССР. В нем приводятся показатели естественного прироста населения за 1928 и 1930—1933 годы. Особое значение этих данных состоит в том, что они выше архивных данных о приросте населения, отраженных в таблице № 2, составленной в феврале 1939 года. Возможно, что архивные данные, попавшие в эту таблицу Госплана СССР, прошли специальную обработку по заранее заданной программе.

Но вернемся к переписи 1939 года. Ее итоги в марте 1939 г. Госпланом СССР и ЦУНХУ СССР были направлены Сталину и Молотову. Н. А. Вознесенский (Госплан) и Саутин (ЦУНХУ) сообщали: «Общая численность населения Советского Союза определяется нами в количестве 170 126 тыс. чел.» [25]. Общий итог переписи 1937 г. сомнений не вызывает. Но если естественный прирост в 1937 и 1938 гг. был примерно на одном и том же уровне (3,4 млн. человек) [26], то ожидаемое на 1 января 1939 г. население СССР должно было бы составить 168,8 млн. человек. Перепись же показала 170 млн. человек. Переучет в 1—2 млн. человек, по-видимому, возможен. Но, по всей вероятности, этот переучет сделан был преднамеренно.

Если опираться на приведенные выше данные таблиц и по-прежнему считать, что прирост населения в 1938 г. был на уровне 1937 г., то предполагаемая численность населения на 1 января 1939 г. должна была составить 172,7 млн. человек. Перед руководителями статистического ведомства встала бы задача разъяснить, куда делись 3,9 млн. человек (172,7—168,8). Выход на 170 млн. облегчает эту задачу на 1,2 млн. человек. Но объяснений, по-видимому, никто не требовал. Заинтересованности в них не было.

Имеется документ, анализ которого подкрепляет мнение о недостаточной объективности показателя в 170 млн. человек. В таблице «Сравнение предварительных неполных итогов переписи населения 1939 года с итогами переписи 1926 и переписи 1937 года», составленной в феврале 1939 г., данные за 1926 и 1937 г. даются без военнослужащих [27] и заклю-

---

[24] Там же, ф. 1562, оп. 329, д. 131, л. 1.

[25] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 94, д. 161, л. 48. Этот результат переписи был еще раз подтвержден в письме на имя Сталина и Молотова от 21 марта 1939 г. (там же, ф. 1562, оп. 329, д. 256, л. 39). В качестве окончательного итога переписи считается, что численность населения в СССР в январе 1939 г. составляла 170 557 100 человек. Этот показатель нашел отражение в литературе (см., напр., Козлов В. И. Динамика национального состава населения и проблемы демографической политики.— История СССР, 1983, № 4, с. 22).

[26] ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 329, д. 191, лл. 3—3об.

[27] Там же, ф. 4372, оп. 92, д. 161, таблица № 3, лл. 31а—31б.

ченных. Так же, очевидно, рассчитаны и показатели 1939 года. Население СССР по этой таблице в январе 1939 г. определяется в 161,5 млн. человек (в январе 1937 г.— 157 млн., в декабре 1926 г.— 146 млн. человек). Количество заключенных в 1939 г. по сравнению с 1937 г. наверняка не уменьшилось (не менее 3 млн.), а численность вооруженных сил возросла, возможно, до 3 млн. человек[28]. С учетом этих категорий населения его численность устанавливается в 167,5 млн. человек[29]. А ожидаемая отметка, если отсчет вести от итогов переписи 1937 г. (162 млн.), должна бы составить 168,8 млн. человек. Разницу в счете (168,8 млн.— 167,5 млн.) в 1,3 млн. человек можно объяснить незарегистрированной гибелью людей в местах заключения в 1937—1938 годах.

Таким образом, есть основания говорить, что в 1927—1938 гг. умерло от голода и погибло в местах заключения около 7,9 млн. человек. Кроме того, 2 млн. человек покинули пределы Советского Союза. Таков общий, но не полный итог преступлений сталинского режима за 1927—1938 годы.

Вряд ли можно эти данные считать окончательными. Необходим глубокий анализ всех сохранившихся материалов учета движения населения, воссоздание показателей переписи 1937 г., их сравнительный анализ с переписями 1926 и 1939 годов. Только комплексное изучение источников позволит установить общее количество пострадавших от репрессий 30-х годов. Его нельзя ограничивать только погибшими и ушедшими за пределы СССР. Такое изучение даст возможность подтвердить или отвергнуть мое мнение о преднамеренном искажении результатов переписи 1939 г. и связанных с нею статистических показателей. Для меня бесспорно, что самым главным в стремлении исказить итоги естественного движения населения и переписи 1939 г. было желание скрыть размеры массового уничтожения населения в 30-е годы. Погибшие миллионы из статистики исчезают. Их просто не было.

---

[28] Во втором томе «Истории второй мировой войны. 1939—1945» сообщается, что численный состав Вооруженных Сил в августе 1939 г. составлял более 2 млн. человек (с. 199). Возможно, что внутренние и пограничные войска учитывались отдельно.

[29] Этот итог почти совпадает с общим количеством населения, если мы к 161,5 млн. человек добавим 5,8 млн. человек, переписанных «в особом порядке» (ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 329, д. 256, л. 413).

ДВА СЛОВА О ДЗЕРЖИНСКОМ

Мне довелось быть делегатом X съезда РКП(б) в марте 1921 года. Как известно, на нем столкнулись мнения фракций, возникших в ходе предсъездовской дискуссии о роли профсоюзов при Советской власти: сторонники Л. Д. Троцкого, группа «демократического централизма», «рабочая оппозиция» и сторонники «платформы 10-ти» во главе с В. И. Лениным (Артем (Ф. А. Сергеев), Г. Е. Зиновьев, М. И. Калинин, Л. Б. Каменев, С. А. Лозовский, Г. И. Петровский, Я. Э. Рудзутак, И. В. Сталин, М. П. Томский). С докладом о профессиональных союзах и их роли в хозяйственной жизни страны выступал на съезде Г. Е. Зиновьев; содоклады делали Л. Д. Троцкий и один из лидеров «рабочей оппозиции», А. Г. Шляпников. Съезд принял резолюцию «О роли и задачах профсоюзов» с ленинским их определением как воспитательной и обучающей организации, школы управления и хозяйствования, школы коммунизма[1].

В один из первых дней съезда по окончании вечернего заседания я (в ту пору помощник командующего Кавказской трудовой армией по политической части) был приглашен товарищами по партии на квартиру члена коллегии Наркомпути и члена ЦК партии Л. П. Серебрякова. Леонид Петрович жил тогда в Кремле, на втором этаже небольшого дома у Троицких ворот (позднее в этой квартире поселился Сталин). Там собрались тогдашние сторонники тезисов Троцкого по вопросу

---

[1] См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 1, с. 226—242; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42, с. 203.

СОДЕРЖАНИЕ

Карл Маркс – Разоблачения дипломатической истории XVIII века (окончание) 3

СТАТЬИ

Г. С. Усыскин (Ленинград) – В. И. Ленин в Петербургском Совете рабочих депутатов 20

Член-корреспондент АН СССР **Н. Н. Болховитинов** – Аляскинский скандал. 1867–1868 гг. 37

Е. О. Обичкина – Лозунг братства во Французской буржуазной революции конца XVIII века 55

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А. Н. Боханов – Савва Морозов 69

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

А. В. Антонов-Овсеенко – Сталин и его время 85

«Круглый стол» советских и американских историков 97

СООБЩЕНИЯ

Э. Мюле (ФРГ) – К вопросу о начале Киева 118

Л. С. Рафиенко – Неизвестный исторический атлас Сибири 128

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Т. И. Галкина (Омск), **М. К. Юрасова** (Омск) – Зофия Лигети 133

Ю. А. Бер – Страницы биографии революционера (С. Г. Нечаев) 138

ИСТОРИОГРАФИЯ

О. В. Волобуев, М. И. Леонов (Куйбышев), **А. И. Уткин, В. В. Шелохаев** – История политических партий России 1907–1914 годов в советской историографии 147

К. Б. Виноградов (Ленинград), **Т. Н. Иванова** (Чебоксары) – Монография об исторических взглядах Н. И. Кареева 161

Б. В. Ананьич (Ленинград) – Царская дипломатия в годы первой революции 163

В. И. Акуленко (Киев) – Пробелы в указателе памятниковедческой литературы 166

К. Е. Рогачев. А. И. Сенаторов. Сэн Катаяма.– **В. А. Дьяков.** Х. А. Ямсхер. Суэцкий конфликт в международных отношениях 1956–1957 гг.– **А. С. Гроссман.** Г. Хасс. Мюнхенский диктат 1938 года – сговор на пути к войне.– **В. А. Ушаков** (Ленинград), **С. А. Исаев** (Ленинград). Н. Х. Романова. Реформы Э. Джексона 1829–1837.– **Е. В. Гутнова.** Е. А. Мельникова. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе.– **В. И. Гуляев.** История первобытного общества. Эпоха классообразования 168

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В. В. Цаплин – Статистика жертв сталинизма в 30-е годы 175
И. Я. Врачев – Два слова о Дзержинском 181
А. Ротштейн (Англия) – О характере второй мировой войны 182

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

А. Ш.– В Отделении истории АН СССР 184
И. В. Михутина – 70-летие образования независимых государств в Центральной и Юго-Восточной Европе 185
Новые книги 187

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Сдано в набор 03.03.89 Подписано к печати 07.04.89 А 00271 Формат 70×108¹/₁₆.
Высокая печать. Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 17,33. Уч.-изд. л. 19,08.
Тираж 77 000 экз. Заказ 538. Цена 90 коп.

Адрес редакции: 103781, ГСП. Москва, К-6. М. Путинковский пер., ½. Телефон 209-96-21.

Набрано и сматрицировано во 2-й типографии издательства «Наука»,
121099 Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

Отпечатано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865 ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.